

Под занавес

ОЛЕГ ГАЗМАНОВ:

Ненавижу шоу-бизнес

ЭСТРАДА

Один молодой человек в свободное от занятий научной работой время (а изучал он нестационарные процессы теплообмена) любил сочинять музыку, играть на гитаре и петь. Всем очень нравилось. И тогда он решил, что пора приносить радость не только жителям небольшого города, но и всем россиянам. Приехал в Москву, спел, и через какое-то время на столичных афишах появилось новое имя: Олег Газманов. Без его песен не обходится репертуар многих "звезд". Его программа "Господа офицеры" пережила шестнадцать аншлагов. Журналисты одолевают Газманова вопросами: "Как вы решились петь, не имея голоса?", "Часто ли меняете подруг жизни?", "Правда ли, что съемки вашего клипа финансирует лично Юрий Лужков?" ... "Неправда", — отвечает Газманов и рассказывает о себе и своем творчестве.

- К кому вы бываете более требовательны: к певцу, исполняющему ваши песни, или к себе самому?

— По-разному. Бывает, что песню, которую я сам ни разу не пел, исполняет другой музыкант. Например, Валерий Леонтьев спел шесть моих песен совершенно замечательно, особенно "Грешный путь" и "Белый снег" — ведь он потрясающий драматический артист. Может быть, не все песни получаются так, как хотелось бы, но и сами они не все одинаково сильные. Естественно, у меня остается чувство, что можно было лучше. Что касается меня самого, то я очень мучаюсь, просто страдаю, когда слушаю записанный вариант. В студии не удается спеть так, как на концерте, когда чувствуешь энергию зала.

- А возникает ли спор между Газмановым-композитором и Газмановым-певцом и кто побеждает?

— Сам считаю, что как композитор я намного лучше, чем как певец. Кстати, и как артист — лучше, чем как певец. Чувство зала, контакт с публикой получаются, а как к певцу я отношусь к себе, мягко говоря, без особой экзальтации. Хотя и Джо Дассен, и Утесов не обладали большим голосом, но были великими артистами.

- Считается, что, если артист исполняет только собственные песни, он пишет их "на себя", рассчитывая на собственные вокальные способности.

Фото В. МЫШКИНА

— Когда я пишу песни, то, к сожалению, не рассчитываю на свои данные, и поэтому некоторые композиции для меня явно "высокие", что чувствуется на концертах. И потом, не я пишу песню, а песня пишет меня.

- Вы собираетесь продюсировать будущие сборные концерты ваших песен. А не слишком ли вы романтичны для шоу-бизнеса?

— Я люблю творчество и ненавижу шоу-бизнес, как и любой бизнес, — жесткий и неприятный. Дело в том, что мне

просто повезло. У меня очень хорошие артисты, и продюсировать их легко. На самом деле мне не хватает жесткости, я по натуре человек мягкий, но стараюсь быть другим, иначе невозможно выжить. Мое дело — это мои песни, и я хочу, чтобы они в хорошем качестве и в нормальном количестве доходили до зрителя. Если кто-то встанет на этом пути — я буду бороться, потому что уверен, что моя музыка нужна. Например, я не знаю, что делать с нашим телевидением. Программу "Господа офицеры", снятую на собственные деньги, я не могу показать ни по первому, ни по второму каналам. Можно заплатить день-

ги, и покажут клип, но хотелось, чтобы телезрители увидели концерт.

- Считается, что пока артист не "продаст" себя, — у него ничего не получится.

— Категорически не согласен. Это мнение бытует среди молодых, они ищут спонсоров, поддержку. Могу привести массу примеров (не буду говорить о себе, хотя и мне никто не помогал), когда артиста показывают по телевидению тысячи раз, но стоит выключить телевизор, — и артиста нет. И наоборот.

март, — с. 16

— То, что вы консервативны в сценических костюмах, а ваши "солдаты" — именно концерты, а не шоу с балетом и спецэффектами, связано со спецификой вашей публики или это собственная позиция?

— Публика разная, в ней представлены все слои и по возрасту, и по положению в обществе, и я этому очень рад. Что касается сценических эффектов, то все зависит от того, насколько они нужны. Если в песне "Бродяга" возникает мотив восточной сказки, я надеваю халат, а на композиции "Моя любовь" появляется девушка на качелях.

- То, что вы все время спускаетесь в зал с концертной площадки, еще можно понять. Но когда вы прыгнули с подиума Васильевского спуска...

— Это лишний раз доказывает, что я псих, просто ненормальный. На сцене я вхожу в транс и становлюсь совершенно непредсказуемым. Все эти акробатические прыжки похожи на реакцию человека, который, сильно испугавшись, перемахнул через высокий забор.

- Не чувствуете ли вы неприязненного отношения коллег по цеху из-за того, что в отличие от многих поэтов только "живьем"?

— Никакого прессинга не чувствую. Я просто не могу работать иначе, мне легче петь "живьем", потому что я меняю слова, импровизирую, получается игра со зрителем.

- Вас, естественно, раздражают бесконечные вопросы о сыне. Не думали ли вы, когда только выводили его на сцену, что впоследствии будете обречены на эти вопросы?

— Я ни о чем не думал, просто работал, хотел сделать интересный альбом. Неожиданно Родион запел, причем без всякого моего содействия. Этот дар нужно было развивать, хорошо, что в его отца оказался я. Сейчас приходят письма от благодарных родителей, чьи дети, посмотрев на Родиона, поступили в музыкальную школу. Кстати говоря, то, что дети сейчас распевают "Москву", — для меня праздник. Мне очень важно, что мои концерты становятся семейными, на них нет возрастных противоречий. Я хочу сделать концерт (наверное, в конце августа), на котором зрители смогут и слушать, и танцевать, для этого подойдет площадка Лужников.

Беседу вел
Нара ШИРАЛИЕВА